

И.В. Логвинова

ЛЮДВИГ ТИК И ДАНТЕ

Аннотация

В статье речь идет о мифологизации образа Данте в комедии Л. Тика «Принц Цербино». В рамках романтической мифологии образ итальянского поэта приобретает роль божества, которое может судить об истинной поэзии. В пьесе выведены пошлое бюргерское сознание в образе Нестора и юное поколение, стремящееся постичь истинный смысл поэзии, в образе принца Цербино.

Ключевые слова: комедия, романтическая мифология, Л. Тик, Данте, «Принц Цербино», йенский романтизм.

Logvinova I.V. Ludwig Tieck and Dante

Summary. In the article we are talking about the Dante image mythologization in the L. Tieck's comedy «Prinz Zerbin». In the romantic mythology framework the Italian poet acquires the role of a deity, which can judge the true poetry. In the play brought the vulgar bourgeois consciousness in the form of Nestor and the younger generation, seeking to comprehend the true meaning of poetry, in the way of the Prince Zerbin.

Имя Данте связано с романтизмом особым образом. Пушкин знал и ценил Данте, именно романтики первыми стали его переводить (в Германии терцинами перевел его «Божественную комедию» А.-В. Шлегель). В Америке Лонгфелло переводил «Божественную комедию». Однако в «официальный» ряд романтических поэтов, которым подражали йенские романтики (Аристофан, Шекспир, Сервантес, Гоцци и Гёте), он не попал и скорее числился в ряду классиков. И такой ряд мы находим в пьесе Л.И. Тика «Принц Цербино, или Путешествие за хорошим вкусом» («Prinz Zerbin oder Die Reise nach dem guten Geschmack»).

Создавая новую романтическую мифологию, И.Л. Тик использует в своих комедиях не только персонажей и сюжеты Шекспира, Сервантеса, Гоцци и других, но также мифологизирует и самих авторов. Помимо Шекспира и Сервантеса, в его поле зрения попали также Тассо и Данте. Так, в комедии «Принц Цербино» автор показывает зрителю «в некотором роде продолжение пьесы о Коте в сапогах», как явствует из подзаголовка. Речь идет о том, что сын Готлиба, ставшего королем, серьезно заболел философией и поиском ответов на отвлеченные вопросы. В частности, принц Цербино хочет разобраться, что же такое настоящая поэзия. Отец призывает на помощь волшебника Поликомикуса, который советует отпустить Цербино на поиски настоящей поэзии, но в сопровождении Нестора, который заведомо глух ко всему возвышенному и поэтическому.

Итак, принц Цербино и Нестор отправляются в поход. По пути им приходится ночевать на мельнице, проходить мимо работающих на пашне крестьян, мимо кузницы с поющей наковальней, задавать им вопросы о хорошем вкусе и не удовлетворяться ответами о том, что средоточие хорошего вкуса – это мельница, кузница и пашня, и сама природа. Параллельно с сюжетом о Цербино развивается история любви Лилы и Клеона, полная поэзии, разговоры Геликана и Лесного брата о поэзии природы, реплики Охотника о чудесной погоде и прекрасной охоте... И только во дворце как будто никто и не слышал ни о какой природе, все заняты парадом, смотрами, обменом паролями и загадочной болезнью юного принца. Сама по себе болезнь Цербино сродни болезни Гамлета. Но это сходство только внешнее, по сути же Цербино вовсе не так решителен и целеустремлен, как Гамлет, и у него нет сверхзадачи восстанавливать «расшатавшийся век» или наказывать заигравшихся в интриги придворных. Можно сказать, что Цербино – в некотором роде пародия на Гамлета. Романтическая ирония переворачивает серьезную болезнь Гамлета (его считают сумасшедшим, потому что он раскрыл дворцовый заговор) в несерьезную болезнь-прихоть Цербино (его считают сумасшедшим, потому что он ищет совершенно ненужную ему, по мнению придворных, поэзию). При этом комизм ситуации подчеркивается параллельно развивающимися сюжетами о верной любви, о философских спорах Иеремии и Сатаны. Посредником между дворцом и внешним

миром выступает Охотник, который появляется в начале и конце каждого акта со своими комментариями и замечаниями. По ходу действия пьеса то и дело прерывается. Так, когда принца отправляют к волшебнику, Охотник в качестве Хора вылезает из камина и объявляет, что ему предстоит еще тяжелая дорога, и что в роли хора ему брести через всю эту длинную пьесу, быть Прологом и Эпилогом¹. Сам принц также однажды прерывает пьесу и начинает отматывать ее назад, действие за действием, заставляя персонажей в обратном порядке проигрывать уже сыгранные сцены, чтобы найти то самое место, где Шекспир объяснил ему, что такое поэзия. Однако места этого он не находит и, возвратясь во дворец вместе с Нестором, объявляет на экзамене, устроенном ему придворными учеными, что поэзия – это глупость.

Цель путешествия Цербино и Нестора – Сад Поэзии. В этот сад они попадают разными путями, потеряв друг друга из виду. Нестор воспринимает говорящие цветы, деревья и ручей как сумасшедший дом: «Поэзия имеет другой образ... Это не цветы. Я в своей жизни много цветов видел. Ну да, конечно, это высокий уровень, о котором говорят все идеалисты. Но за кого вы меня принимаете?»². Он встречает Ариосто, Тассо, Данте, Сервантеса, Софокла, которые ужасаются, до чего Нестор невосприимчив к поэзии и невежествен (он никого из них не знает и не скрывает, что от этого ему не стыдно).

Ариосто, Тассо, Данте, Софокл, Петрарка стоят у Л. Тика в ряду классиков. Они обитают в Саду Поэзии, охраняя законы поэзии от поругания и забвения, а также выполняя просветительскую функцию. Здесь рады любому путнику. Мы видим, как Фея, цветы и деревья гостеприимно встречают Нестора, и как они разочарованы его невежеством. Приведем весь диалог Нестора и Данте³:

Нестор. Как звать того мрачного старого брюзгу?

Богиня. Говори скромнее, это великий Данте!

Нестор. Данте? Данте? Ах, сейчас припомнилось мне, у него вроде есть комедия, как будто поэма, о преисподней.

Данте. Как будто поэма? А кто такой ты, что позволяешь себе такое говорить?

Нестор. Ну, только не надо так сердито, я друг тебе и всем вам вместе взятым, ведь я люблю поэтическое искусство и часто провожу свои праздные часы за вашими безделушками.

Данте. Безделушка? – какое же из моих произведений ты так называешь?

Нестор. Ха, ха, ха! Он не знает своих же безделушек. Это означает, что так глуп ваш материал, понаделанные вами комические безделицы, ради которых можно только из любезности переводить время попусту.

Данте. Да кто ты, низкое ничтожество,
Что ты осмелился изречь такую наглость?
Да ты хоть звук из моего произведенья встречал когда?
Слепого старика, религии с поэзией жильца ты отвергаешь?

Нестор. Не горячитесь так, старый человек, ведь, по правде говоря, так я ничего вашего не читал.

Данте. И тут пришел и о моем твореньи наговорил:
Безделка – Комедия божественная!
Бесстыдное и варварское слово, и насилиу
Манит благочестивым языком!

Нестор. Да тише, говорю Вам, и давайте один раз серьезно поговорим. Вы ведь на самом деле были когда-то поэтом?

Данте. Ариосто! Петрарка!

Нестор. Ну, ну, с тех пор времена очень сильно изменились. Тогда, да, это тогда – но теперь вас очень трудно читать, и к тому же еще и еппуант⁴.

Данте. Тогда! Что ты имеешь в виду под этим, червь?

Нестор. Ну и вспылчивый человек! – Ну тогда я хочу только сказать, что было удивительно легко быть поэтом, потому что, как я читал, кроме Вас в новое время никаких других поэтов не существовало; поэтому Вы должны признать свое счастье, ибо любой иной в то время мог бы быть, как и Вы, знаменит, и им бы точно так же восхищались.

Данте. Когда б, тебе явив расположение,
На время лишь забросили на свет
Тебя в тот прежний век, ты мог бы
Мир удивить, подобно мне?

Нестор. Естественно, да более того, я приближусь к тому времени в наш век, когда это в тысячу раз труднее. Для начала я так тихо, тихо попаду с сочинением в ежемесячник, в котором обнаружу свою ученость и представлюсь тут со всей учтивостью неким мечтателем или пиетистом, чистым до уязвимости. Затем буду писать о том, что призраков не существует, затем роман, направленный против Вас, и все, что мне придет в голову. Затем я позволю себе замечание, что в основном мир устроен неправильно, до того я в конце пойду выше и выше, начну гитог'ить⁵ и енпуиг'ить⁶, как только возможно, до того, чтобы люди окончательно приняли меня за первого человека планеты. – Но ту же самую материю, как ваша так называемая комедия, я не стал бы описывать применительно к моей душе, в том непросвещенном веке. Ад и рай! И все так сложно, как я бы сказал. Фи! Стыдитесь, старый взрослый человек, – и такую детскую шутку дни напролет сочинять.

Данте. Я все же одолжен был Божеством,
И небом мягким мне дозволено услышать:
Один певец отважный песнь мою
Пророческую в чистом вдохновенье изрек
Во славу католической религии.

Нестор. Ну, так именно об этом мы говорим. Католическая религия – это же камень преткновения для меня и для других разумных людей.

Данте. Что может думать червь об этом выраженье?

Нестор. Проклятая горячка! – Что об этом подумают, знает каждый ребенок, и это уже вошло в пословицу, что если вскоре услышат большое, неразумное и скучное, можно сказать: «Ах, в этом вы могли бы быть католиком».

В этом диалоге Данте выступает в роли судьи, законодателя хорошего вкуса в поэзии. Не случайно он разговаривает с Нестором стихами. Однако Нестор к гекзаметроподобной речи Данте глух. Он отвечает Данте пошлыми суждениями, от которых великий поэт раздражается и просто уходит обратно в рошу, откуда вначале вышел к путнику.

Интересно, что Данте повстречался только Нестору. Принц Цербино встретится с Шекспиром, который преподаст ему урок

хорошего вкуса. Но принц настолько невнимателен и поражен встречей с великим драматургом, что сразу же забывает, чему тот его научил. Выходит, что Данте, как серьезный классик, нужен Нестору как наставник принца. Иными словами, смысл этой встречи в том, что Нестор должен обучать принца классической литературе. А встреча принца с Шекспиром имеет иной смысл. Здесь важно то, что романтические устремления принца находят отклик в романтическом мироощущении Шекспира. Они – родственные души, но принц еще не достиг того уровня, когда мог бы целиком принять философию Шекспира. В рамках же пьесы Сад Поэзии – это аллегория разных уровней чтения и восприятия. Л.И. Тик как будто хочет сказать своему читателю, что восприятие поэзии требует незамутненного сознания. Поэтому мельник, кузнец, влюбленные Лила и Клеон, люди труда видят поэзию, разлитую в природе, а люди, испорченные ложными идеями просвещения, не могут почувствовать поэзию природы, их сознание затуманено сухими, абстрактными суждениями, внушаемыми схоластами и учителями-педантами. Нестор – один из таких педантов, которые ничего толком не читают, но обо всем судят с видом знатоков.

Таким образом, романтическая мифология, творимая Людвигом Тиком в пьесе «Принц Цербино», выстраивается так, что классики античной литературы и литературы Возрождения занимают в ней место учителей, богов, судей, законодателей хорошего вкуса, готовых научить любого путешественника. Иначе говоря, они открыты любому читателю, лишь бы он был способен почерпнуть мудрость из их творений. Образ великого Данте у Л.И. Тика выведен почти как образ Аполлона. Он выше всех поэтов, живущих в Саду Поэзии, он признанный патриарх и непререкаемый авторитет.

¹ *Tieck L. Sämmtliche Werke.* – Wien: Verlage den Leopold Grund, 1819. Bd 10.

² Там же. – S. 269.

³ Там же. – S. 271–274.

⁴ (фр.) раздражает.

-
- ⁵ *rumorigen* – образовано по правилам немецкой грамматики от французского *rumeur* – шум, гул, рокот. То есть он будет рокотать, шуметь, производить шум своими сочинениями.
- ⁶ *ennuieren* – образовано по правилам немецкой грамматики от фр. *ennuyer* – наводить скуку, надоедать. То есть он будет скучать, выдавать себя за скучающего человека.